

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
26 (89)

ФИЛОЛОГИЯ
И
ИСТОРИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

РЕЦЕНЗИИ

Петроглифы Центральной Аравии

Аравийский полуостров по своему географическому положению и природным условиям представляет полную аналогию Северной Африке, издавна считающейся важнейшим центром древнейшего расселения человека, колыбелью человеческого рода. Однако историческое и археологическое исследование этих районов имеет совершенно различную судьбу. Северная Африка давно и интенсивно изучается археологами; проведены многочисленные раскопки, принесшие богатый материал, который нашел свое место во всех учебниках истории первобытного общества. Внимания ученых не избежали даже самые отдаленные и труднодоступные районы, среди которых можно упомянуть район Тассили, получивший мировую известность.

Напротив, Аравия до сих пор остается белым пятном на археологической карте. Здесь совершенно не проводились не только раскопки, но даже и простое археологическое обследование. Тех немногочисленных ученых, которые посещали внутренние районы Аравийского полуострова, интересовали исключительно письменные памятники: самудские, сафайтские и химьяритские граффити, тысячами рассыпанные по скалам Аравии.

До последнего времени сведения о доисторическом прошлом Аравии ограничивались отдельными находками и описаниями древних стоянок или кремневых орудий.¹ При этом, естественно, нельзя было установить никакой связи между отдельными памятниками, дать какую-либо хронологию находок или их осмысление. Собственно, не было сделано даже ни одной попытки такого рода. Это привело к тому, что некоторые специалисты говорили даже о «пробеле в присутствии человека» в Аравии между V и II тысячелетиями до н. э.²

Лишь недавно появились первые публикации значительного материала, освещающего доисторическое прошлое Аравии. Это петроглифы Центральной Аравии, обнаруженные и сфотографированные экспедицией Г. Рикманса—Г. Филби, посетившей в 1951—1952 гг. южные районы Саудовской Аравии от Мекки до Наджрана и оттуда до Рийада.³ Экспе-

¹ Field H. 1) New Stone Age Sites in the Arabian Peninsula. — *Man*, 1955, № 55; 2) Stone implements from the Rub 'al-Khali. — *Man*, 1960, № 60; 3) Paleolithic implements from the Rub 'al-Khali. — *Man*, 1961, № 9; Howe B. Two groups of rock-engravings from the Hijaz. — *JNES*, 1950, v. IX, p. 8—17; Caton-Tompson G. Some Paleoliths from South Arabia. — *Proc. of the Prehistoric Society*, 1953, XIX, p. 189—218; Zener F. E. Neolithic Sites from the Rub al-Khali, Southern Arabia. — *Man*, 1954, № 209, p. 133—136; G. W. van Beek, Cole G. H. and Jamme A. An archaeological reconnaissance in Hadhramaut, South Arabia. A preliminary report. — *Smithsonian Institution Report for 1963*. 1964, p. 521—545.

² Harding G. L. *Archeologie in the Aden Protectorate*. London, 1964, p. 5.

³ Lippens Ph. *Expédition en Arabie Centrale*. Paris, 1956.

диция зафиксировала более двухсот скал, на которых имелись тысячи изображений — надписей и символических знаков, фигур людей и животных, охотничьих сцен и т. д. Изображения чрезвычайно интересны и разнообразны и по размеру (фигуры от нескольких сантиметров до двух метров и более), и по технике выполнения (контурные, сплошные или «пунктированные»), и по времени (с VI тыс. до н. э. до наших дней). Некоторые участки скал чуть не сплошь заполнены рисунками, часто многократно перекрывающимися друг друга.

Разработкой этого материала занялся Э. Анати, видный специалист в области первобытного искусства, известный своими работами о петроглифах Ближнего Востока.⁴ Исследование весьма осложняется тем, что исходным материалом служат лишь фотографии, не всегда дающие достаточное представление о размерах изображений, характере их выполнения, цвете и т. п. Работа проводится с привлечением различных технических средств: со всех фотографий сделаны диапозитивы, что позволяет получать любое увеличение; использование светофильтров дает возможность выявлять оттенки, недоступные невооруженному глазу, и разделять изображения с разной степенью патины.

На первом этапе работы Э. А. отказался от сплошной публикации материалов, избрав монографические исследования отдельных, хорошо выделяющихся стилей или сюжетов. Исследованиям такого характера посвящены первые два тома, опубликованные в материалах экспедиции.⁵ Они содержат три этюда: о «народе с овальными головами»,⁶ о «курдючных овцах» и о «реалистичско-динамическом стиле в Джебель Қара».⁷ Следующий этап работы отражает большая статья, посвященная сплошной публикации петроглифов небольшого района колодца Дахсами.⁸

Лишь после этой долгой и кропотливой предварительной работы Э. А. начал публикацию «Корпуса» наскальных рисунков, рассчитанного на 4 тома.

Первые два тома публикуют все изображения, сфотографированные экспедицией на пути от Таифадо Наджрана,⁹ т. е. почти половину собранного материала. Первой том «Корпуса» содержит общее введение (с. 3—33), дающее общую характеристику петроглифов других районов Ближнего Востока и Северной Африки (с. 5—14), описание имеющегося материала (с. 14—16) и методов исследования (с. 16—21); специальный раздел посвящен терминологии (с. 21—28); завершает введение «Хронологическая схема» (с. 28—33), содержащая общую картину истории Аравии в VI—I тыс. до н. э., какой она вырисовывается на данном этапе работы. Более детальные и аргументированные выводы предполагается дать в последнем томе «Корпуса» петроглифов (т. VI).

Второй том включает описание петроглифов от вадии Ханик до Наджрана (с. 9—206) и специальное исследование фауны петроглифов, выполненное Е. Черновым¹⁰ (с. 209—252). Этот раздел содержит весьма важные материалы для выяснения климатической истории Аравии.

⁴ A n a t i E. 1) Ancient rock-engravings in the Central Negev.— Palestine Exploration Quarterly, 1955, v. 82, p. 49—57; 2) Recherches préhistoriques au Sinai.— Bull. de la Société Préhistorique Française, 1958, v. 55, p. 209—212.

⁵ Expedition Philby—Ryckmans—Lippens en Arabie, 1-ère partie. Géographie et archéologie. Tome 3: Rock-Art in Central Arabia, v. I—II by E. Anati. Louvain, 1968 (Bibliothèque du Muséon, v. 50).

⁶ The «oval-headed» people of Arabia, v. I.

⁷ Fat-tailed Sheep in Arabia, v. 2, p. 1—45; The Realistic-Dynamic Style of Rock-Art in the Jebel Qara, v. 2, p. 47—83.

⁸ A n a t i E. The rock-engravings of Dahthami Wells in Central Arabia.— Bolletino del Centro Communo di Studi Preistorici, 1970, v. V, p. 99—158.

⁹ A n a t i E. Rock-art in Central Arabia, 3, 4.— Publications de l'Institut Orientaliste de Louvain, 4, 6. Louvain, 1972, 1974. (Эта серия заменила серию «Bibliothèque du Muséon» в 1970 г.).

¹⁰ T c h e r n o v E. Animal engravings in Central Arabia.

Наскальные изображения представляют собой очень специфический и своеобразный источник, мало используемый и историками, и археологами. Их редко можно связать и сопоставить с материалами иного характера — с остатками древних поселений или погребений или с иным археологическим материалом. Это потребовало выработки специфических методов и приемов исследования. Данная работа была проведена автором весьма тщательно и продуманно, на современном научном уровне, включая не только использование новейших технических средств (например, градуированное изменение освещенности), но и широкое применение статистических методов и последовательную формализацию критериев, что придает исследованию возможно большую объективность.

Эти моменты делают работы Э. А. чрезвычайно интересными не только для историков Аравии и Ближнего Востока, но и вообще для археологов и историков древности.

Основной признак, позволяющий различать слои и периоды изображений, — степень их патинации, т. е. цвета и интенсивности «пустынного загара», покрывающего скалу и изображение. Э. А. отмечает, что наиболее древние рисунки имеют даже более темный цвет патины, чем сама скала. Автор относится к этому критерию достаточно осторожно и указывает, что степень патинации зависит не только от возраста изображения, но и от техники его выполнения: так, поверхностные изображения быстрее покрываются патиной, чем глубоко врезанные линии.¹¹

Более надежным признаком, указывающим на относительную хронологию стилей и периодов, являются перекрывающие друг друга слои и фигуры, когда более поздние изображения накладываются на ранние. Такие случаи весьма часты в Центральной Аравии. Встречаются скалы, на которых можно выделить пять-семь слоев, иногда даже с внутренними подразделениями. Естественно, что в таких случаях нижние слои оказываются почти неразличимыми, а от изображенных на них фигур остаются только фрагменты, и определение таких фигур очень затруднительно.

Абсолютная датировка тех или иных стилей или изображений возможна сейчас лишь на основе аналогий с соседними, лучше изученными областями. Такие параллели Э. А. проводит весьма широко, преимущественно на материале Негева и Синая, но также Верхнего Египта и Малой Азии. Он устанавливает сходство как в технике выполнения и стиле изображений, так и в отдельных реалиях: специфических видах вооружения, формах головных уборов и т. п. Параллели второго типа кажутся нам более надежными для датировки.

Работы Э. А. рисуют картину жизни народов Аравийского полуострова на протяжении шести тысяч лет и позволяют установить, хотя еще очень приблизительно, основные исторические этапы и направления культурных связей. Эта картина носит во многом предварительный характер (что признает и даже подчеркивает сам автор), но представляет большой интерес для понимания дальнейшего развития народов Аравии уже в эпоху классического общества, да и для истории многих сопредельных стран.

Э. А. делит петроглифы Аравии на четыре основных эпохи: мусульманскую, письменную, охотничье-скотоводческую и раннеохотничью. Мусульманская начинается с VII в. н. э.; петроглифы этого периода не подвергались исследованию. К «письменной» эпохе автор относит все изображения, связанные с надписями южносемитским письмом, и некоторые более ранние, близкие к ним по стилистическим признакам. По мнению Э. А., эти изображения связаны с народами, появившимися на территории полуострова незадолго до начала распространения письменности.

¹¹ А. Жамм в рецензии на работу Э. А. (*J a m m e A. Miscellanées d'ancien arabe. Washington, 1971, p. 71—81*) утверждает, что степень патинации можно установить лишь по цветным фотографиям (р. 74). Но несомненно, что именно черно-белые фотографии гораздо точнее передают степень освещенности скалы и тем самым степень патинации изображений.

Подвляющее большинство надписей он относит ко времени между VI в. до н. э. и VI в. н. э., но стилистически «письменный» период начинается в более раннее время, в конце II тыс. до н. э.

По нашему мнению, возникновение южносемитской группы алфавитов следует датировать второй половиной II тыс. до н. э. Соответственно нижняя граница «письменной» эпохи должна быть отодвинута к середине II тыс. до н. э.

Охотничье-скотоводческая эпоха наиболее широко представлена петроглифами Центральной Аравии. Э. А. делит ее на пять периодов: поздний, I, II и III средние и ранний; в них выделяется более двадцати разных стилей. Поздний период совпадает по времени с началом «письменной» эпохи и продолжается у отдельных групп населения до середины I тыс. до н. э.

I средний период характеризуется изображениями небольших групп домашних животных (крупного рогатого скота, коз, овец) и охватывает II тыс. до н. э. II средний период восходит к III тыс. и показывает многочисленные моменты схождения с халколитической культурой Палестины и Сирии; особенно тесные связи относятся к позднему халколиту. III средний период датируется IV тыс. до н. э.

Ранний период охотничье-скотоводческой эпохи содержит первые признаки появления одомашненных животных. Интересно, что изображается почти без исключений лишь крупный рогатый скот. Э. А. отмечает, что это обстоятельство вступает в противоречие с тем, что известно о начале одомашнения животных в окружающих областях, гораздо лучше исследованных археологически.

Ранний период соответствует неолитическому периоду на Ближнем Востоке и датируется VI—V тыс. до н. э., может быть, даже более ранним временем. Разведение крупного рогатого скота в Центральной Аравии в это время свидетельствует о более благоприятных экологических и климатических условиях.

Эпоха ранних охотников, вероятно, отчасти синхронна раннему периоду охотничье-скотоводческой эпохи, но большая часть изображений этого периода восходит ко времени до VI тыс. до н. э. Некоторые виды животных, встречающиеся на этих рисунках, относятся к вымершим, как например дикий длиннорогий бык; довольно часты изображения слонов. Э. А. считает, что эта эпоха охватывает период раннего голоцена и, может быть, заходит и дальше, в поздний плейстоцен.

Даже такая суммарная картина дает основания для важных исторических выводов, имеющих большое значение и для последующего периода. Материал Э. А. позволяет говорить о непрерывном обитании человека в Аравии с древнейших времен. Если привлечь данные о находке в Южном Йемене каменных орудий ашельского типа,¹² то представления об Аравии как об одном из древнейших районов расселения человека приобретают документальное подтверждение. По-видимому, работы Э. А. позволяют разрешить и давно дискутируемый вопрос о климате Аравии в эпоху, предшествующую имеющимся письменным данным. Петроглифы Центральной Аравии показывают, что в VI—IV тыс. до н. э. климат полуострова был гораздо более влажным и более пригодным для обитания человека. Аравия обладала богатым животным миром (слоны, разные виды быков и антилоп, хищные животные и т. д.). Вероятно, еще в III и даже во II тыс. до н. э. климатические условия Центральной Аравии были гораздо более благоприятными, чем в настоящее время. Хотя такие представители пустынной фауны, как верблюд и страус, встречаются в наскальных изображениях с очень раннего времени, но недаром почти во всех «дописьменных» стилях верблюд изображается только как объект охоты, а одомашнение животных начинается с таких мало приспособлен-

¹² Doe B. Southern Arabia. London, 1971, p. 134, pl. 55.

ных к условиям пустыни животных, как крупный рогатый скот. По-видимому, можно говорить о долгом и постепенном процессе «высыхания» Аравии, растянувшимся на несколько тысяч лет. Не исключена возможность, что и в I тыс. до н. э. климат Аравии был более влажным, чем сейчас. Вероятно, и самый процесс «высыхания» Аравии может быть обусловлен хозяйственной деятельностью человека, прежде всего распространением скотоводства.

В этой связи возникает вопрос о времени возникновения земледелия в Аравии и о степени его распространения. Э. А. не находит в петроглифах никаких изображений, связанных с земледелием, и говорит лишь об охоте и скотоводстве. Между тем вряд ли можно сомневаться, что оазисное земледелие возникло в очень раннее время и имело, вероятно, даже большее распространение и большее значение, чем в исторические времена. Правда, оно получало меньшее отражение в наскальных рисунках; однако в изображениях «письменного» периода встречаются иногда сюжеты, связанные с земледелием и даже рыболовством.¹³ При дальнейших исследованиях следует обратить особое внимание на проблему земледелия и постараться выявить среди петроглифов более раннего времени изображения, принадлежавшие земледельцам оазисов.

Важное значение имеет вывод Э. А. о тесных и оживленных связях населения Аравии с присредиземноморскими областями (прежде всего Сирией и Палестиной) уже в III тыс. до н. э.; по его мнению, эти области составляли в тот период единый культурно-исторический регион. Такое положение представляется вполне реальным: можно вспомнить о скифо-сарматских культурах, охватывавших в аналогичных природных и экономических условиях, пожалуй, еще большие территории от Урала и Алтая до причерноморских степей. Этот вывод представляется нам чрезвычайно важным для понимания ранних этапов истории семитских народов и семитских языков и для установления времени возникновения классового общества в Аравии.

Следует подчеркнуть, что III—II тыс. до н. э. датируются и различные контакты Аравии с Африкой, неоднократно отмечаемые Э. А.

Датировки, предлагаемые Э. А., основываются большей частью на датировках аналогичных культур и стилей Синая и Негева с тенденцией «запаздывания» для Аравии, видимо, просто из осторожности ученого, имеющего дело с совершенно новой и неисследованной областью. Можно лишь пожалеть, что Э. А. не использовал другой возможный путь установления хронологии — движение от известного, т. е. от тех наскальных рисунков, которые одновременны надписям, сделанным южносемитским письмом, и связаны с ними. Для начальных этапов исследования такой путь представляется более надежным. Хотя Э. А. анализирует значительное число изображений «письменного» периода, он никогда не пытается связать фигуры с надписями и лишь очень редко отмечает одновременность текстов и изображений, хотя именно такие сцены, сочетающие текст и изображение, можно не только сравнительно легко и точно датировать, но и использовать как исходный пункт для определения одновременности разных стилей, выделения локальных вариантов и т. п.

Доисторическая эпоха Аравии привлекает в последнее время все больший интерес исследователей; все в новых районах обнаруживаются и публикуются памятники этого периода: каменные орудия, мегалитические сооружения, наскальные изображения.¹⁴ Это еще больше повышает

¹³ A. van den Branden. Histoire de Thamoud. Beirouth, 1960, p. 39—41.

¹⁴ P a r i n e l l o A. E. Note su alcune località archeologiche del Yemen. I — AION, 1970, 29, p. 117—120; II — AION, 1971, 31, p. 111—118; G a r b i n i G. Antichità yemenite, II. — AION, 1970, 30, p. 540—544; M c C l u r e H. A. The Arabian Peninsula and prehistoric populations. Miami, 1971; см. также: Л у н д и н А. Г. Основные этапы древнейшей истории Аравии. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР. М., 1977, с. 25—32.

ценность работ Э. А., которые не только кладут начало изучению первобытного общества на территории Аравии, но и создают прочную базу для дальнейших исследований.

А. Г. Лундин.

Dominique Valbelle. *La tombe de Hay à Deir el-Médineh* [№ 267]. [Le Caire,] 1975 (=Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire. Tome XCV). VIII+54 p., 20 fig., 23 pl.

Публикация гробницы № 267 в Дер эль-Медина, построенной для семьи заместителя начальника подразделения h'j, еще раз показывает решимость Французского института восточной археологии в ближайшее время издать до сих пор не опубликованную эпиграфику, дошедшую из этой местности. Рассмотрев положение и архитектурные особенности памятника, Д. Вальбель подробно описывает росписи, изображающие h'j и его родных, и приводит тщательные крупноплановые прорисовки всех поврежденных мест и таких деталей, о которых трудно было бы составить представление по воспроизведениям. Особое внимание она обращает на шедевр в своем роде — плафон во втором зале гробницы, состоящий из шести «окон», каждое из которых заполнено другим орнаментом.

Надписи частью приведены в автографиях, частью — в тех случаях, когда они хорошо видны на воспроизведениях, — набраны типографским иероглифическим шрифтом. Д. Вальбель осторожна в передаче текста и не только отмечает все разрушения, но и избегает реконструкций даже тогда, когда обрывки слов позволяют быть смелее и допускают только один возможный вариант прочтения. Впрочем, такая сверхосторожность затрудняет восприятие связного текста только для тех египтологов, которые специально не занимаются эпиграфикой Дер эль-Медина.

В передаче текста среди трех-четырёх мелких неточностей следует отметить одну. В копии текста, помещенного в зале I (с. 24; ср. с. 36) и представляющего собою восхваление солнечного божества (=15 глава «Книги Мертвых»), в иероглифическом типографском наборе малого

имени h'j — t'-t'-šrj определитель к слову šrj набран такой: (сопро-

вождено пометкой sic). Если бы такой знак присутствовал в тексте на самом деле, то можно было бы говорить о неизвестном в эту эпоху определителе к этому часто употреблявшемуся слову. На воспроизведении сам текст не виден. В автографии же (рис. 4) он передан иначе, чем в набранном

на с. 21 тексте, а именно — (общее чтение текста слева направо).

В гробнице № 359 в Дер эль-Медина, сооруженной для того начальника подразделения, у которого заместителем служил h'j, на южной стене

второго склепа то же слово (šrj) начертано следующим образом:

(чтение слова справа налево),¹ т. е. становится ясно, что перед нами просто иероглиф «воробей», повернутый в обратную сторону, а не какая-то неведомая птица.

В целом же в книге поразительно мало неточностей в передаче текстов, несмотря на то что иероглифическая палеография этого времени изучена еще совершенно неудовлетворительно.

¹ RFDM, 1930, pl. XX.